

Aliaksandr Radziuk (EUROPEJSKI UNIWERSYTET HUMANISTYCZNY (WILNO))

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5148-2642>

Деятельность следственных и судебных комиссий на территории Беларуси в 1863–1867 г. (на примере Гродненской губернии)

DOI:10.25951/4404

STRESZCZENIE

Działalność komisji śledczych i sądowych na terenie Białorusi w latach 1863–1867 (na przykładzie guberni grodzieńskiej)

Niniejszy artykuł poświęcony jest analizie działalności komisji wojenno-sądowych i śledczych w okresie powstania styczniowego oraz w okresie popowstaniowym na terenie Grodzieńszczyzny. Na podstawie szerokiej bazy źródłowej po raz pierwszy ukazano szczegóły funkcjonowania tych instytucji, ich zasięgu terytorialnego oraz składu osobowego.

Do podstawowych uprawnień komisji wojenno-śledczych należało przeprowadzenie dochodzenia wstępnego wobec podejrzanych o udział w powstaniu oraz ustalenia stopnia ich winy. W tym celu instytucje te stosowały różne czynności procesowe, w tym konfrontację świadków. Analiza czynności dochodzeniowo-śledczych wskazuje na niski poziom ich prowadzenia oraz liczne błędy śledczych, dążących nie tyle do obiektywnego ustalenia przebiegu wydarzeń, ile do uwolnienia regionu od „szkodliwego” elementu.

W artykule dokonano zarówno próby rekonstrukcji etapów postępowania sądowego, jak i oceny działalności komisji wojenno-sądowych i śledczych, stanowiących jeden z filarów polityki represyjnej Michaiła Murawjowa na ziemiach Białorusi i Litwy.

SŁOWA KLUCZOWE: powstanie styczniowe, komisje śledcze i sądowe, represje, Michaił Murawjow, Białoruś.

SUMMARY

Inquiry and judicial Commissions activity at the territory of Belarus in 1863–1867 (on the example of Grodno gubernia)

The article analyses activities of Inquiry (Board of Commissioners) and Judicial Commissions in Grodno region during and after the Uprising in the years 1863–1864. The documents issued by these institutions are the main historical source, that why it is of great importance to study them. Using previously unknown archival materials the author examines the main stages of the investigation and trials of the rebels in 1863. The main tasks of these institutions were: questioning, investigating each case and making final conclusion concerning guilt or innocence of every person standing the trial. Every commission had its own characteristics and was able to influence the trials which were conducted at a very low professional level. In many cases the sentences were passed not on the bases of the objective results of the investigation, but on the Vilnius administration demand “to clear this region from Polish element”. Summing up, the author makes the conclusion that these commissions were the essential part of M. Muravyev’s repressive system at the territory of Belarus.

KEYWORDS: uprising of 1863, inquiry and judicial Commissions, repressions, M. Muravyev, Belarus.

Материалы судебно-следственных дел до сегодняшнего дня являются основным источником по истории Январского восстания 1863 г. на территории Беларуси и Литвы. Вместе с тем, деятельность самих следственных комиссий еще не являлась объектом специального исследования со стороны историков. Данной статьей мы попытаемся заполнить существующий пробел.

Возникновение подобных органов предварительного следствия было вызвано началом вооруженной борьбы на территории соседнего Королевства Польского. Испуганный возможностью распространения восстания на белорусско-литовские земли, царизм предпринял ряд превентивных мер. Согласно рескрипту Александра II от 14 января 1863 г.¹ виленский генерал-губернатор получил право «для определения степени виновности лиц, как взятых с оружием в руках, так и изобличенных в содействии мятежникам... учредить по назначению Вашему, особые комиссии»². И буквально через несколько дней, распоряжением виленского генерал-губернатора

¹ Тут и далее даты подаются по старому (юлианскому) стилю.

² Nacyjanalny historyčny archiŭ Bielarusi ŭ Hrodnie (NHAB u Hrodnie), f. 1713, vop. 1, spr. 7, a. 3.

Владимира Назимова от 18 января 1863 г. первые подобные коллегиальные органы были созданы в Гродно и Белостоке³.

Достаточно сложно определить точное время возникновения, а также выявить данные о личном составе большинства военно-следственных комиссий. Дело в том, что несмотря на то, что они действовали во всех уездных городах губернии (и естественно, в самом губернском центре), эти органы на самом деле создавались при определенных воинских частях царской армии. В связи с подобной практикой, передислокация войск обычно приводила к закрытию старого состава комиссии и открытию нового (фактически созданию новой комиссии). Например, основанный в Слониме 30 июля 1863 г. подобный орган был открыт при Староингерманландском полку, а весной 1864 г. действовала уже комиссия при Пензенском пехотном полку⁴. Естественно, подобная ротация оказывала значительное влияние как на сам процесс следствия, так и, что еще более важно, на дальнейшие судьбы подсудимых.

В связи с расширением ареала вооруженной борьбы, военно-следственные органы были учреждены во всех уездных городах Гродненской губ. зимой-весной 1863 г. Основной задачей, которая ставилась царскими властями перед этими комиссиями, было “полное изобличение задержанных злоумышленников”⁵. Правовая база их деятельности была определена специальной инструкцией Михаила Муравьева от 11 мая 1863 г. В соответствии с этим документом все лица, в зависимости от степени своего участия или оказания помощи восстанию, делились на пять основных категорий (здесь можно вспомнить, что в 1831 г. таких категорий было всего три). Далее, в соответствии с тем или иным разрядом “вины”, муравьевская инструкция определяла степень ответственности обвиняемого с учетом его социального статуса и возрастных особенностей⁶. Таким образом, к главным прерогативам комиссий относилось: проведение предварительного следствия с целью определения виновности или невиновности того, или иного человека, а также квалификация его “противоправных” действий путем отнесения к одному из пяти разрядов вины согласно нормам, содержащимся в упомянутом документе.

³ *Ibidem*, f. 1, воп. 34, spr. 176, а. 3.

⁴ *Ibidem*, spr. 262, а. 18.

⁵ *Ibidem*, spr. 170, а. 123.

⁶ N. Cylov, *Sbornik rasporejzenij grafa Mihaila Nikolaevicha Murav'eva po usmireniju pol'skogo mjatezha v severo-zapadnyh gubernijah 1863–1864*, Vil'na 1866, s. 211–214.

Как отмечалось выше, военно-следственные комиссии (а именно такой термин использовался в тогдашнем делопроизводстве) состояли преимущественно из офицеров и унтер-офицеров действующей армии. Председатель (в документах также встречается термин «презус») обычно имел звание майора или штабс-капитана. Правда, из этого правила были свои исключения. Например, в Гродно некоторое время подобные обязанности выполняли жандармский штаб-офицер Леяков и советник местной казенной палаты Злобин.

Количественный состав комиссий не был одинаков и варьировался в различных местностях. Кроме военных чинов в составе некоторых комиссий встречаются гражданские лица, которые могли являться как их непосредственными членами, так и выполнять другие функции, например, делопроизводителя или аудитора. В обязанности последнего входило снятие показаний (проведение допроса) с обвиняемых. Можно предположить, что часть этих чиновников, которые не относились к военному ведомству, также использовалась в качестве переводчиков. Так, в одной из гродненских комиссий эту функцию выполнял делопроизводитель Лецевич (ветеринар по образованию). К работе также активно привлекался местный казенный раввин Гилель Ривош. Как следует из тогдашних официальных документов и воспоминаний участников тех событий, его роль не ограничивалась исключительно предписанными ему обязанностями. Он очень активно вмешивался и влиял на ход всего следствия⁷.

Подобные комиссии подчинялись местным военно-уездным начальникам. Как подчеркивалось в одном из предписаний М. Муравьева, «учрежденные в уездах Комиссии, как назначенные в помощь Военным Начальникам... должны состоять в непосредственном подчинении Военных Начальников»⁸. Их зависимость проявлялась уже в том, что военный начальник назначал председателя следственного органа, по своему желанию формировал его личный состав. В качестве иллюстрации можно привести пример Бельского военного командира Игната Борейши, сменившего одного председателя комиссии на другого («человека с русской душой и глубокой преданностью правительству»), или его коллеги Беклемишева, который, с его слов, был вынужден полностью закрыть аналогичный следственный орган в Белостоке и лично назначить его новый состав⁹.

⁷ ННАВ у Hrodnie, f. 1, vop. 34, spr. 3119, a. 1, 4; spr. 2889, a. 15; F. Anderson, *Seven Month Residence in Russian Poland in 1863*, London and Cambridge 1864, p. 156.

⁸ ННАВ у Hrodnie, f. 974, vop. 1, spr. 13, a. 346; *Povstancheskoe dvizhenie v Grodnenskoj gubernii 1863–1864 gg.*, Brest 2006, s. 338.

⁹ ННАВ у Hrodnie, f. 1, vop. 34, spr. 893, a. 18, 39, 52.

Кроме того, многие (но не все) уездные военные начальники совместно с членами комиссии или даже отдельно от них осуществляли предварительный допрос подозреваемых в политической неблагонадежности лиц. Некоторые из них также принимали непосредственное участие в работе комиссий. Например, пружанский военно-уездный начальник Элис жаловался, что “задержан в городе накопившимися делами [комиссии – А.Р.], я не могу бывать в уезде, где... мое присутствие необходимо”¹⁰. От той позиции, которую занимал военный командир в отношении подследственных, во многом зависела их дальнейшая судьба. Между прочим, это было связано с тем, что все дела после завершения их производства представлялись на усмотрение подобных лиц. Кроме того, он мог во время окончания следствия и передачи его в другие, высшие органы, присоединить свое личное мнение с предложением, например, учесть некоторые обстоятельства при вынесении окончательного вердикта. В его компетенции также находилось довольно щекотливая обязанность по определению «полноты раскаяния», с которой повстанец обращался к российским властям и т.д.¹¹

Как правило, именно военно-уездные начальники выступали инициаторами начала формального следствия против того или иного лица. На основании анализа многочисленных архивных дел можно сделать вывод, что толчком для подобного шага могли быть следующие обстоятельства: а) захват его в плен в ходе боевых действий или с оружием в руках; б) добровольное его сдача военным или гражданским властям; в) донос неких лиц; г) оговор другими подследственными; д) выявление властями каких-либо “крамольных”, неразрешенных вещей (ружья, пороха, повстанческой прокламации или газеты, соответствующей символики и др.); е) подозрение в неблагонадежности; ж) другие случаи, не подлежащие определенной классификации.

Обычно следственный процесс начинался с предварительного допроса. Он мог осуществляться как непосредственно членами комиссии, так и другими лицами: тем же военным начальником, полицмейстером, жандармом или кем-либо еще. В некоторых случаях, когда арестованный был грамотен, ему давалась возможность изложить свои показания на бумаге самостоятельно, в камере. Кстати, примерно с июля 1863 г. допрос задержанных независимо от места их нахождения велся по одной универсальной форме, которая была утверждена виленским генерал-губернатором. Во время до-

¹⁰ *Ibidem*, spr. 170, а. 154–155.

¹¹ *Ibidem*, spr. 1068, а. 22, 28; ф. 970, воп. 2, spr. 7, а. 60.

знания российские власти в первую очередь интересовали такие факты, как: кто был руководителем партизанского отряда, кто из числа ксендзов, помещиков и шляхты поставлял провиант и другие вещи, кто выполнял функции проводников, где спрятано оружие и т.д.¹²

Кроме того, следствие обращало внимание на мельчайшие обстоятельства связанные с непосредственным участием подследственного в восстании. Именно эти свидетельства на сегодняшний день являются основным источником по истории повстанческого движения на землях Беларуси. Хотелось бы обратить внимание на необходимость критического отношения к подобного типа документов. Дело в том, что повстанцы на допросах стремились любыми средствами избежать наказания, а также оговаривания знакомых или близких им лиц. Поэтому приводимые ими данные в большинстве случаев были, мягко говоря, неискренними и неполными. Чего стоит хотя бы тот факт, что чуть ли не 99% из них утверждала, что попали в повстанческие отряды насильно, против своей воли, под угрозой своей жизни. Подобные сообщения были характерны даже для командиров этих формирований, их помощников, руководителей местных революционных организаций. О том, что такая запирательская тактика поведения на допросах была достаточно широко распространена, подтверждает и мемуарная литература. Например, бывший повстанец Александр Ягмин вспоминал, что как только он попал в гродненский острог, то встретил здесь много своих знакомых, которые посоветовали ему на все вопросы относительно его участия в восстании отвечать “не знаю” и “сваливать вину на умерших и тех, кто сбежал за границу”¹³. Анализ соответствующих дел различных комиссий подтверждает тот факт, что подавляющее большинство повстанцев придерживалась именно подобной тактики.

Иногда письменные материалы дела дают редкую возможность проследить эволюцию поведения того или иного лица во время следствия. Ярким примером в этом случае является доктор Александр Окинчиц, известный своим дерзким побегам из сибирской ссылки вместе с Зигмундом Минейко. На своем первом допросе Александр отмечал, что отправился в повстанческий отряд по предписанию революционного комитета, мотивируя свой поступок тем, что “была идея столь распространенная и столь давняя осво-

¹² *Povstanchesкое dvizhenie v Grodnenskoj gubernii*; N. Cylov, *Sbornik rasporjazhenij grafa Mihaila Nikolaevicha Murav'eva*, s. 122.

¹³ A. Jagmin, *Vospominanija pol'skogo povstanca 1863 g.*, „Istoricheskij vestnik” 1892, t. 50, №12, s. 720.

бождения своего отечества..., и я, как человек на которого более чем на кого другого могли быть по моему суждению обращены взоры других, счел необходимым принять участие в таковых действиях”. Но в дальнейшем, вероятно под влиянием “профилактической” обработки коллег по несчастью, А. Окинчиц кардинально меняет свою позицию. Вдруг ему вспомнилось, что письмо варшавского комитета “было наполнено сильными угрозами” в его адрес, а свои прежние показания он, якобы, давал “не по убеждению, а в каком-то иступлении и почти бессознательном состоянии духа” и т.д.¹⁴

После снятия предварительного допроса, военно-уездный начальник предписывал, а в некоторых случаях комиссия сама принимала решение о начале формального следствия против обвиняемого (в тогдашнем делопроизводстве это называлось “открыть дело”). Однако в действительности до начала конкретных следственных мероприятий проходил определенный (в некоторых случаях достаточно продолжительный) отрезок времени. Это было обусловлено с тем, что в 1863-1864 г. подобные органы были чрезвычайно перегружены. Оно не удивительно. Как следует из разнообразных официальных (а это означает недостоверных и неполных) источников, количество “подсудимых политических арестантов” в это время достигала: в Бельске 500-800 человек, Белостоке более 600, в Пружанах стабильно около 200, Гродно – 500-600 лиц¹⁵. Понятно, что рассмотреть дела такого количества подследственных одновременно следователи были не в состоянии. Другие причины подобного явления крылись в медленной работе самих комиссий и их непрофессионализме (что неоднократно отмечали различные проверяющие). В свою очередь, те жаловались на недостаток в их составе людей необходимых для выполнения большого объема работы, упорство и запирательство подследственных, а также чрезмерную бюрократизацию отчетности их работы. В подобной ситуации власти видели выход в увеличении численного состава, а там, где эта проблема стояла наиболее остро, в создании новых, дополнительных следственных органов. Как результат подобной политики, уже в первой половине 1863 г. была образована вторая по счету комиссия в Гродно, а в ноябре этого же года их число удвоилось в Бельске и Белостоке¹⁶.

Все это время после своего ареста обвиняемые в большинстве случаев проводили за решеткой. Тема тюрем и заключенных периода восстания за-

¹⁴ ННАВ u Hrodnie, f. 1, воп. 34, spr. 1979, а. 3, 4, 7, 25.

¹⁵ *Ibidem*, spr. 893, а. 2, 9, 14; spr. 1030, а. 22, 64; spr. 1527, а. 23.

¹⁶ *Ibidem*, f. 3, воп. 1, spr. 41, а. 57, 58.

служивает отдельного исследования. В этой статье отметим лишь некоторые моменты, которые свидетельствуют о тесной связи следственного процесса и заключения. Среди прочего, это проявлялось в том, что различные этапы судебного дознания, по идее, предусматривали различную степень изоляции подследственного от общества. Так, во время снятия допроса, а также самого следствия, власти, где была такая возможность, помещали таких лиц в одиночные камеры, а также им запрещались любые контакты с родственниками и близкими людьми. Но, кажется, такое правило соблюдалось только в Гродно, где политических держали в трех достаточно вместительных тюрьмах (Старый замок, бывший кармелитский монастырь и непосредственно острог). В других городах губернии, несмотря на использование под эти функции дополнительных помещений, такой возможности не было. Более того, нехватка мест в тюрьмах привела к тому, что подследственных, после снятия с них предварительного допроса, власти были вынуждены отпустить на поруки, а это значит на свободу. Такое явление было в первую очередь характерно для Бельска, где она приобрела поистине массовый характер. Вместе с тем, подобная практика имела место и в других местностях, в том числе и в Гродно¹⁷.

Нарушения и ошибки в организации следствия над повстанцами были распространены на всех его этапах. Между прочим, это касалось и сроков его производства. Несмотря на жесткие требования виленских и местных властей об ускорении этой процедуры, а также многочисленные рапорты самих комиссий, о том что этот процесс не занимает более 3-4 месяцев, в источниках встречаются факты, которые противоречат этому. Во время ревизий в различных тюрьмах вдруг обнаруживались лица, которые ждали решения своей судьбы по году и более. В результате последующих разбирательств оказывалось, что часть из них попадала в подобную ситуацию из-за судебной волокиты, некоторые вследствие царившего тогда повсеместного беззакония, другие – в результате каких-то ошибок и упущений. Что касается последнего, то наиболее распространенными среди них, наверное, были случаи, когда дело того или иного подследственного где-то терялось¹⁸, а про людей попросту забывали. О том, что подобная проблема длительного (год и более) делопроизводства была присуща не только Гродненской губ., свидетельствует рапорт полковника корпуса жандармов Александра Лосева. В нем, на основании анализа работы следственных комиссий Минской губ.,

¹⁷ *Ibidem*, f. 1, vop. 13, spr. 1400, a. 169; vop. 34, spr. 170, a. 155; f. 3, vop. 1, spr. 21, a. 234.

¹⁸ *Ibidem*, f. 1, vop. 13, spr. 1400, a. 224; vop. 34, spr. 456, a. 131–132; spr. 893, a. 19.

отмечалось, «что некоторые дела находятся в производстве более года и не завершаются»¹⁹.

Другой проблемой порядков царивших в комиссиях в то время, было отсутствие у арестантов точных сведений или даже предположений о том, за что они были задержаны. Оказавшись в тюрьме, они долго находились в ситуации неопределенности: в чем их вина, какое противоправное деяние они совершили? По воспоминаниям преподобного Ф. Андерсона даже первые вызовы на допросы не давали ответа на эти вопросы²⁰. Что говорить об обвиняемых, когда сами власти в некоторых случаях не могли понять, за что были задержаны те или иные люди. Например, в Белостоке, при открытии нового штата комиссии, «значительное количество людей, арестованных в марте и апреле, были обнаружены без каких-либо обвинений» (до 70 человек). Во время визита в этот город в декабре 1863 г., гродненский губернатор И. Скворцов «обнаружил» еще 15 таких бедолаг, которые, по их словам, были схвачены казаками в разных местах в апреле и мае и «доставлены в Белосток без всяких обвинительных письменных свидетельств»²¹. Можно предположить, что в ситуации полной неразберихи и путаницы приведенными здесь примерами подобные случаи не ограничивались.

Непосредственно расследование началось через несколько дней или месяцев после ареста человека, в зависимости от времени и места. Обвиняемого вызывали в комиссию, где его просили ответить на вопросные пункты или подтвердить в письменном виде свидетельства, которые он дал ранее при задержании. Если человек был неграмотен, вместо своего имени он ставил на бумаге три крестика, а один из присутствовавших на допросе солдат подписывался за его. Через некоторое время подследственный мог быть вновь вызван к судьям для пояснения тех или иных эпизодов, которые вызвали интерес у властей.

Поскольку большинство обвиняемых отказывалось сотрудничать со следствием и пыталось всеми возможными способами выгородить себя и своих знакомых, комиссии использовали целый арсенал различных методов и способов, чтобы вывести тех на чистую воду. Наиболее распространенным и эффективным являлась верификация показаний при помощи очных ставок. В некоторых случаях для подтверждения или опровержения тех или иных слов могли быть привлечены до десятка различных людей. Вот

¹⁹ *Ibidem*, f. 1, vop. 6, spr. 407, a. 4.

²⁰ F. Anderson, *Seven Month' Residence*, s. 143.

²¹ ННАВ u Hrodnie, f. 1, vop. 34, spr. 893, a. 14, 55.

как, например, данная процедура выглядела в случае с повстанцем Степаном Творовским: «Василевский и Домаржецкий, Королов и Кротюк, смотря в глаза Творовскому уличали что он записывал людей которые приходили в банду... Творовский на эту улику согласился»²².

Здесь, однако, может возникнуть вопрос о степени осведомленности самих властей: как они узнавали, о том каких свидетелей следует вызывать в каждом конкретном случае? Дело в том, что по распоряжению М. Муравьева в следственных органах были заведены так называемые «Алфавитные книги», в которые вносились имена всех тех, кого обвиняемые оговаривали на допросах. Таким образом, благодаря созданию такой подробной базы данных участников восстания, власти получили возможность верификации сведений подследственных, расширения обвинительных заключений против них, а также заведения новых дел на тех, чьи фамилии наиболее часто встречались во время допросов. При этом факт отказа называть имена людей, которые находились в отряде или доставляли туда какие-либо припасы, считался признаком упротства обвиняемого и приводил к отягощению степени его вины²³.

В арсенале комиссий были и другие методы, которыми они активно пользовались. В их число входили обыски по месту жительства. Подобные мероприятия обычно давали властям дополнительный компромат. Классическим примером использования данного элемента следствия является дело Наполеона Орды. Если до его ареста в 1866 г. власти уличали известного художника и композитора только в том, что он отправил своих крестьян в восстание, то после тщательного осмотра его имущества в имении Вороцевичи, к первоначальным обвинениям было добавлено еще три: хранение пороха, документов «крамольного характера» и разрешение присоединиться к восстанию своему сыну Витольду, которое было обнаружено бдительными сыщиками в содержании одного из писем²⁴. Также при необходимости комиссии могли проводить проверку определенных фактов непосредственно по месту жительства подследственного или совершения им «преступления». В последнем случае верификацию осуществляли не следователи, а местные жандармы или полицейские, к которым те обращались с соответствующей просьбой. Она могла включать, например, опрос местных жителей, которые хорошо знали этого человека. При этом, наибольшим доверием у судей

²² *Povstanchesкое dvizhenie v Grodnenskoj gubernii*, s. 36.

²³ ННАВ u Hrodnie, f. 1, vop. 34, spr. 2244, a. 25–26.

²⁴ *Ibidem*, vop. 31, spr. 113, a. 98.

пользовались свидетельские показания крестьян, особенно когда они касались лиц привилегированного сословия.

Кроме того, в следственный процесс в это время начали активно внедряться последние достижения технического прогресса. Например, идентификация людей осуществлялась с помощью фотографических изображений²⁵. Также большое внимание уделялось сбору и обработке вещественной базе улик. Для разоблачения отдельных лиц и революционных организаций в комиссии поступали и впоследствии переводились на русский язык документы найденные у убитых и захваченных повстанцев. На вооружении у этих органов были и другие методы получения необходимой информации, которые будут рассмотрены ниже.

Следственный процесс в комиссиях осуществлялся в рамках рассмотрения отдельных дел. Хотелось бы обратить внимание на то, что в большинстве случаев таковые не были индивидуальными. Это означает, что в рамках одного и того же дела расследование могло вестись одновременно в отношении нескольких лиц. В большинстве случаев так оно и происходило. Если верить статистике тех органов которые действовали в Гродненской губ. в 1863 г. оказывается, что одно дело в среднем объединяло 2,3 человека²⁶. Такая цифра в принципе подтверждается еженедельным отчетом Гродненской комиссии за март-декабрь 1864 года: 2,6 человека в рамках одного следственного разбирательства²⁷. Эти же данные указывают на то, что во время наибольшей загруженности комиссий (лето 1863 г. - лето 1864 г.) дела были более «насыщенными», то есть в них включалось больше людей, чем в более позднее время. Есть случаи, когда следствие «одним махом» велось относительно 7-8 и более обвиняемых. Дополнительным бременем на работу этих органов в Гродно легла обязанность по решению судьбы повстанцев из соседней Августовской губ. (Ломжинского уезда), число которых в одной из гродненских тюрем в свое время достигало почти 200 человек²⁸.

Что касается эффективности следственных органов, то она также не была одинаковой на протяжении всего времени их существования и зависела от многих объективных и субъективных факторов. Например, в работе одной из комиссий в Гродно этот показатель составлял от 1-го до 19-ти раскрытых дел за неделю. Одновременно в делопроизводстве могло на-

²⁵ *Ibidem*, f. 3, воп. 1, spr. 32, а. 174; f. 1, воп. 34, spr. 1478, а. 194а, 194б.

²⁶ *Ibidem*, воп. 1, spr. 32, а. 32-35.

²⁷ *Ibidem*, spr. 37, а. 2-84.

²⁸ *Ibidem*, spr. 21, а. 255.

ходиться до 70-и и более следственных разбирательств²⁹. Немного иначе обстояли дела в аналогичном органе в Волковыске, который, давая отчет о своей деятельности в период с июля 1863 г. по июнь 1864 г., отмечал, что в течение этого времени ими «каждый месяц представлялось до двенадцати дел, получается, одно дело почти что на два дня, остальные дни в месяце использовались для составления ведомостей для генерал-губернатора и военного губернатора»³⁰. И последнее, на что хотелось бы обратить внимание в этом блоке – это проблема определения критериев, по которым формировались дела. Казалось бы, у них должно было быть какое-то общее основание: один эпизод восстания, совершение обвиняемыми аналогичного «преступления» и т.д. Однако на практике комиссии редко руководствовались подобными принципами. Чаще всего подследственные объединялись в одно судебное разбирательство совершенно произвольно или в хронологическом порядке. На это обратил внимание М. Муравьев в своем выговоре двум следственным органам в Белостоке: «эти комиссии часто соединяют для производства в дело разные обвинения, возникшие при том на разных лиц, только арестованные в одно время или по приказанию одного начальника»³¹.

Деятельность следственных органов не ограничивалась исключительно рассмотрением дел против бывших повстанцев и их помощников. В некоторых случаях они также проводили расследование по тому или иному эпизоду с целью выявления и дальнейшего наказания причастных к нему людей. Это могло быть связано с выявлением оружия или боеприпасов, нелегальной литературы, типографских шрифтов и других “подозрительных” вещей. Особое место занимали поисковые мероприятия, связанные с раскрытием состава и функционированием местных повстанческих организаций. Такие эпизоды выделялись в отдельное делопроизводство. Конечно, основной материал для них давали сами люди, которые были связаны с данными тайными структурами. В случаях выявления таких особ, следствие в отношении их затягивалось на длительное время. Их вызывали на допросы бесконечное количество раз, уточняя даже самые мелкие детали, проверяя и перепроверя каждое их слово. Если вдруг открывалась важная роль того или иного члена подобной организации, который уже был подвергнут наказанию, его могли вернуть даже из Сибири или другого места ссылки. О

²⁹ *Ibidem*, spr. 37, а. 2–84.

³⁰ *Ibidem*, f. 1, воп. 34, spr. 1527, а. 142.

³¹ *Ibidem*, spr. 893, а. 3.

той роли, которую царские власти отводили поиску тайных повстанческих структур свидетельствует факт командировки ими председателя одной из гродненских комиссий полковника Устругова в Брест с целью «производства местного исследования» по этому вопросу³². Видимо, брестской комиссии столь деликатное дело они доверить побоялись. По итогам своей поисковой деятельности Устругов создавал обширные аналитические записки, которыми до сих пор пользуются исследователи.

Проанализировав количественные показатели работы следственных органов, было бы логично обратить внимание на их качественные характеристики. Об этом критерии работы, среди прочего, свидетельствует тот факт, что многие дела после их завершения и передачи в вышестоящие инстанции возвращались назад для доработки (аналогичная практика была распространена и в Минской губ.³³). В отчетах и постановлениях губернатора, генерал-губернатора и различных ревизоров неоднократно отмечалось, что ведение дел комиссиями осуществляется неаккуратно, несоответственно принятым формам, «на скорую руку» и т.д. Часто в этих документах подчеркивается непрофессионализм и бездействие следователей: «Комиссия при моем предшественнике до такой степени была небрежна и неосновательно производила дела... что я прибыв в Белосток вынужден был закрыть комиссию...», – жаловался местный военный начальник. И далее: «десять дел сшитых в одну тетрадь найдены заброшенными на печке... задержанные содержаться по несколько месяцев без всяких обвинительных актов и неизвестно кем арестованы»³⁴.

Но более всего в этом отношении выделялись следственные органы в Бельске. В отчете проверяющего майора фон Брадке, который посетил город в октябре 1864 г., на нескольких страницах перечислены все недостатки, несоответствия и упущения комиссий, которых действительно хватало с избытком. Мы не будем на них специально заострять внимание, а остановимся только на одной фразе, которая, как кажется, наиболее полно характеризует состояние дел в этом (и не только) городе: «при таком порядке производства следственных дел комиссией и непонимания дела, сколько лиц пострадало уже и еще пострадают совершенно невинно?»³⁵. Этот вопрос так и оставался риторическим.

³² *Ibidem*, f. 3, воп. 1, spr. 21, а. 319.

³³ *Ibidem*, f. 1, воп. 6, spr. 407, а. 5.

³⁴ *Ibidem*, воп. 34, spr. 893, а. 18, 19.

³⁵ *Ibidem*, воп. 13, spr. 1400, а. 168.

Подобная оценка деятельности бельских следственных комиссий находит свое подтверждение в других документах. Отдельно хотелось бы остановиться на тех методах, которые использовались там для получения информации от обвиняемых. Даже официальные документы не смогли скрыть того факта, что некоторых подсудимых в этом городе били кнутом, заставляя их тем самым подписать чистый лист бумаги, который впоследствии заполнялся военными³⁶. О том, что пытки заключенных в 1863-1864 г. использовались властями не только в Бельске, свидетельствуют воспоминания разных людей. Доктор Александр Окинчиц описывает следователей майора Крамнева и его помощника Доможирова (поляка по национальности), которые выбивали признательные показания с помощью нагайки. Кроме того, он перечисляет имена людей, наиболее пострадавших от их физического насилия³⁷. Опубликовавший свои воспоминания в официальном «Историческом вестнике» А. Ягмин, даже в вопросе заданном ему председателем следственной комиссии почувствовал угрозу: «в словах я видел намек на выпытывание признаний посредством розог, о чем слышал от других. Рассказам этим я верил»³⁸. Людвик Окинчиц, двоюродный брат Александра, попытался отравить себя после нескольких вызовов в гродненскую следственную комиссию. Впоследствии он объяснил свои действия словами: «Яд я принял желая избавиться от угроз, ругательств и побоев, которые я испытывал и на которые я надеялся»³⁹. Естественно, что опрошенные после этих заявлений члены следственного органа этому факту заперечили, а попытка самоубийства была воспринята судебной властью как факт, который усугубляет его вину.

Рассматривая деятельность следственных органов нельзя не затронуть такую деликатную тему как проблема доносов. Особенно остро она встала в 1864 г., когда основная масса непосредственных участников восстания была уже примерно наказана, а в крае установились новые порядки. И если в документах самих комиссий трудно отследить такие факты, то некоторый свет на эту проблему проливают рапорты проверяющих особ. Характеризуя сложившуюся обстановку на территории Гродненской губ., все тот же майор фон Брадке, которого нельзя заподозрить в нелояльности к царским

³⁶ *Ibidem*, f. 974, vop. 1, spr. 13, a. 894.

³⁷ *Memoires by Doctor Alexander Okinczyc*, vol. 1, <http://pages.interlog.com/~mineykok/Okin1.html#Insurrection> (dostęp: 10.05.2020).

³⁸ A. Jagmin, *Vospominanija pol'skogo povstanca 1863 g.*, s. 720.

³⁹ NHAB u Hrodnie, f. 1, vop. 34, spr. 509, a. 5.

властям, в октябре 1864 г. отмечал, что «проехав города Воковиск, Пружаны, Кобрин и находясь сейчас в Бресте, заметил, что доносы со стороны крестьян превратились в профессию, а нижние чины уездных жандармских команд яшкуются с крестьянами, позволяют себе пьянствовать вместе с ними..., входят в дома помещиков, делают им замечания и дерзости без всякой основательной причины, привязываются к пустякам, потворствуют необоснованным доносам крестьян и евреев, а иногда вместе с крестьянами делают ложные доносы»⁴⁰.

Опять же, этому ревизору очень метко удалось передать ту ситуацию, которая сложилась к этому времени в крае в целом и в работе комиссий в частности. Этим словам есть многочисленные подтверждения. Из других подобных рапортов следует, что, действительно, где-то летом 1864 г. основными инициаторами новых дел являлись жандармские нижние чины – орган, основанный по инициативе М. Муравьева в январе 1864 г. с целью «усиления средств администрации и для наблюдения в уездах». Со временем они стали настоящими сатрапами на своих участках (станах). Они не только терроризировали имущественный класс угрозами, но вопреки существующим правилам, пытались активно вмешиваться в следственный процесс комиссий⁴¹. Кроме того, почувствовав изменения в социальной политике, проводимой администрацией виленского генерал-губернатора, некоторые крестьяне решили воспользоваться случаем для сведения счетов со своими бывшими помещиками и эксплуататорами. Например, вот что засвидетельствовали ревизоры относительно помещика Телятинского, который попал в тюрьму «по милости» своих бывших крепостных: «по доносу крестьян за то, что не уступил им часть луговой земли, которую они у него просили, и когда получили от Телятинского отказ, то прямо объявили ему, что донесут на него»⁴².

Евреи также не остались в стороне от этого процесса. Уездный начальник Эллис свидетельствуя об этом факте отмечал, что в городе Пружанах «многие лица арестованы единственно в следствии доноса евреев, часто ничем не подтвержденного»⁴³. В некоторых случаях против таких поклепщиков выступали даже их сородичи. Например, в 1866 г. еврейское общества местечка Зельва обратились к властям с просьбой выслать в Сибирь

⁴⁰ *Ibidem*, вop. 13, spr. 1401, a. 48.

⁴¹ *Ibidem*, вop. 34, spr. 2849, a. 1; вop. 13, spr. 1400, a. 119, 167; вop. 34, spr. 2167, a. 2, 3.

⁴² *Ibidem*, вop. 13, spr. 1401, a. 47.

⁴³ *Ibidem*, вop. 34, spr. 170, a. 155.

цирюльника Вольфа Левина, потому что он, среди прочего, «воспользовавшись беспорядками для личной своей корысти, стал оклеветать невинных людей в политических их якобы преступлениях и тем от некоторых пользовался корыстью, а других, от коих ничего не получали, вовлекал в тюремное заключение...»⁴⁴. Факты высылки из края лиц по свидетельствам исключительно еврейского населения подтверждаются военно-судебными делами.

В большинстве случаев сообщения-доносы становились частью военно-следственных дел. Необоснованные обвинения ничем не выделяются среди тысяч и тысяч подобных показаний. На сегодняшний день определить хотя бы приблизительное количество людей подвергшихся той или иной степени ответственности в результате поклепов не представляется возможным. То же самое относится и к делам которые фабриковались комиссиями. В том что подобная практика имела место сомневаться не приходится. Наиболее яркими примерами сфальсифицированных властями дел являются судебнo-следственные действия относительно двух крупных землевладельцев Гродненской губ. Александра Биспинга и Леопольда Валицкого⁴⁵. В последнем случае нам известен и заказчик, по чьему неофициальному распоряжению было инициировано расследование. Им являлся Гродненский губернатор Иван Скворцов, который в результате высылки Л. Валицкого завладел частью его имущества.

Примеры А. Биспинга и Л. Валицкого не были единичными. Тогдашняя технология фабрикования обвинений отчетливо прослеживается в деле шляхтичей В. Магнушевского, Я. Вознели, С. Рутковского, К. Милевского. Невероятно, но в феврале 1864 г. вторая Белостокская военно-следственная комиссия решила перепроверить показания некоторых местных жителей, которые ранее своими подписями засвидетельствовали их причастность к восстанию. В результате повторного дознания выяснилось, что протоколы они подписали по требованию местного исправника майора Волкова, даже не ознакомившись с их содержанием⁴⁶. Подобный случай, когда следственными органами проводилась дополнительная проверка является скорее исключением, чем правилом. Обычно царская репрессивная машина безусловно доверяла таким документам.

⁴⁴ *Ibidem*, f. 2, vop. 38., spr. 652a, a. 355–356.

⁴⁵ A. Radziuk, *Pamiż dvuch svietai: historyja samahubstva Aliaksandra Bispinha*, „Homo historicus. Hadavik antrapalahičnaj history”, Vilnia 2019.

⁴⁶ ННАВ u Hrodnie, f. 1, vop. 34, spr. 1608, a. 10.

Возвращаясь непосредственно к деятельности военно-следственных комиссий, хотелось бы напомнить, что это были органы предварительного судебно-следственного процесса. Их главной задачей было принятие решения о виновности или невинности того или иного человека на основании имеющейся доказательной и правовой базы. Независимо от того, какое решение принималось на данном этапе, дело впоследствии передавалось на рассмотрение местному военному начальнику или губернатору (который также являлся военным начальником губернии). На основании соответствующего заключения комиссии военные командиры могли прекратить процесс против обвиняемого и освободить его, или же дело в соответствии с существующими правилами отправлялось далее в вышестоящие инстанции. Однако и при таком сценарии военно-следственные органы могли существенно повлиять на дальнейшую судьбу подсудимых. В своем заключительном акте, который являлся неотъемлемым элементом любого такого разбирательства, следователи обычно предлагали предать такого человека военному суду с определением того или иного разряда «преступления» (согласно правилам от 11 мая 1863 года), а также могли присоединить особое мнение с просьбой, например, принять против подсудимого строгие меры⁴⁷.

Более того, в соответствии с тем же документом и его дополнениями, обвиняемые непривилегированных сословий, отнесенные следственными комиссиями к 3-й и 4-й категориям «вины», освобождались от дальнейшего рассмотрения дел военным судом и, следовательно, еще одной возможности доказать свою невинность. Таких лиц предписывалось немедленно, в административном порядке отправить в Псков или Москву «для дальнейшего их распределения по назначению Министерства внутренних дел»⁴⁸. Согласно отчету И. Скворцова, только по подтверждениях гродненского губернатора в период с 1-го мая 1863 г. по 1-го января 1865 г. с территории Гродненской губ. подобным порядком было выслано 1152 человек низших сословий⁴⁹. Эта цифра, как и все данные, поступавшие от царской администрации в то время, явно не точна и занижена. Тут можно напомнить, что число сосланных жителей только пяти уничтоженных шляхетских околиц в Гродненской губ. достигало 700 человек⁵⁰. Вероятно, эта информация была

⁴⁷ *Ibidem*, spr. 2244, а. 27; spr. 509, а. 9.

⁴⁸ *Ibidem*, spr. 176, а. 7.

⁴⁹ *Ibidem*, f. 3, воп. 1, spr. 35, а. 543.

⁵⁰ A. Radziuk, *Paŭstannie 1863–1864 hh u liosie žycharoŭ piaci vakolic*, „Homo historicus. Hadavik antropalahičnaj history” Vilnia 2012, s. 41.

необходима М. Муравьеву для того, чтобы с гордостью заявить в своем «Отчете по управлению краем», что «на целом пространстве до 5 т. простолюдинов, преимущественно из мелкой шляхты и иных разночинцев было выслано из края... потому что по ненадежности общество не приняло их на свое поручительство»⁵¹. На лицо подтасовка фактов и неприкрытая ложь.

Но даже отсутствие вины, засвидетельствованное решением комиссии, не всегда освобождало подсудимых от ответственности. В некоторых случаях такие дела могли быть возвращены на доследование. Иногда отношении таких людей началось новое расследование, и их вновь арестовывали «из-за открытия новых обстоятельств». Но чаще всего власти пользовались правом наказывать их без каких либо доказательств вины. В делах того времени можно встретить множество примеров, когда комиссии «из-за отсутствия изобличающих обстоятельств» выносили вердикт о невинности подсудимых, но конфирмацией вышестоящих властей те признавались вредными для дальнейшего пребывания в крае и определялись в арестантские роты либо ссылались в административном порядке⁵². О какой законности тут можно вести речь?

Всесторонний анализ деятельности военно-следственных комиссий на территории Гродненской губ. свидетельствует, что их главной задачей являлось оказание содействия виленской администрации в очищении края от «вредного элемента». Во время своей работы они искали любую, даже самую незначительную зацепку, любой малозначимый факт с целью обвинения подсудимого, отягчения его вины. Стоит отметить, что во всех документах того времени подсудимые иначе как «преступниками» не именовались. И, исходя из данного посыла о том, что «все они виноваты», происходил дальнейший разбор дел. Также обращает внимание на себя факт различной интерпретации схожих эпизодов, связанных с участием в восстании разных людей. Довольно часто это объяснялось социальной политикой, проводимой виленским генерал-губернатором и его окружением. Вот почему у крестьян и мещан, попавшим под пресс тогдашней царской репрессивной машины, было куда больше шансов избежать наказания, чем шляхте, помещикам или ксендзам.

⁵¹ *Otchet grafa M.N. Murav'eva po upravleniju Severo-Zapadnym kraem s 1 maja 1863 g. po 17 aprelja 1865 g.*, s. 18.

⁵² ННАВ u Hrodnie, f. 1, vop. 34, spr. 2425, a. 2; vop. 6, spr. 2025, a. 339–342; vop. 34, spr. 994, a. 11, 16, 20; spr. 3431, a. 22–23; spr. 1062, a. 14, 24.

Таким образом, работа следственных комиссий была важным, но в большинстве случаев только первым этапом в процессе дальнейшего наказания обвиняемого. Как отмечалось выше, после завершения расследования дело передавалось военному начальнику, который на основании представленного в нем заключения принимал решение о передаче подследственного военно-судной комиссии: «Предавая *N* военному суду и препровождая подлинное о нем дело предлагаю военно-судной комиссии судить его (ее) установленным порядком по уголовному уложению и приговор представить мне на конфирмацию». На этом этапе судебного разбирательства хотелось бы остановиться более подробно.

Военно-судебные комиссии – это органы, которые на основании собранных доказательств и заключения следователей должны были окончательно определить степень вины и, соответственно, ответственность лиц, которые участвовали в восстании или имели к нему какое-либо отношение. В своей деятельности они руководствовались соответствующими книгами уголовного Устава 1859 г., а также инструкцией виленского генерал-губернатора от 14 января 1863 г. и ее дополнением от 11-го мая 1863 г. Отметим, что последний документ предоставил этим органам гораздо больше возможностей для юридического маневрирования, чем те же военно-полевые законы. Среди прочего, это проявилось в том, что если человека нельзя было привлечь к ответственности в соответствии с буквой закона, то его можно было покарать согласно правилами, изданными М. Муравьевым⁵³. Таким образом, получается, что распоряжения виленского генерал-губернатора имели большую юридическую силу, чем общеимперские правовые акты.

Как и в случае со следственными комиссиями, деятельность аналогичных судебных органов на территории Беларуси и Литвы носила временный характер. Они также сформировались из числа офицеров и унтер-офицеров отдельных частей русской армии. Именно кадровый состав являлся их главной особенностью. Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев штат военно-судных комиссий, сформированных в конце весны 1863 г., во многом совпадал с тем, что действовал в аналогичных следственных органах. Наиболее рельефно эта проблема проявилась в Белостоке, где «и председатель, и члены одни и те же, что в следственной, что в судной комиссии»⁵⁴. Получается, что следствие вели и одновременно судили одни и те же люди. Это противоречило всем нормам и практикам даже тогдашней юриспру-

⁵³ *Ibidem*, spr. 2876, a. 5.

⁵⁴ *Ibidem*, spr. 170, a. 170.

денции. Может именно по этой причине такие судебные органы уездного уровня были ликвидированы летом 1863 г. Продолжала свою деятельность только губернская комиссия для разбора дел повстанцев в Гродно. Требуется уточнения факт наличия или отсутствия подобного органа в Бресте.

Анализ многочисленных военно-следственных дел той эпохи позволяет нам сегодня осуществить определенную реконструкцию всего судебного процесса. Он состоял из нескольких этапов:

- 1) комиссия военно-полевого суда принимала обвинительный акт составленный следственной комиссией;
- 2) через несколько дней комиссия принимала решение (протокол) об открытии суда с указанием времени этого события (до часа), состава присутствующих и т.д. ;
- 3) вводился обвиняемый, которого ознакамливали с постановлением военного начальства о предании его военному суду и спрашивали, или не будет с его стороны отводов кому-нибудь из судей или аудиторов;
- 4) делопроизводитель зачитывал следственное дело (обвинительное заключение) вместе с показаниями подсудимого, и председатель предлагал подтвердить их или добавить что-либо в свое оправдание;
- 5) арестанта выводили из зала заседаний, и комиссия приступала к обсуждению данного конкретного случая и приходила к заключению о виновности или невиновности подсудимого;
- 6) если обвиняемый признавался виновным, председатель, определив тип «преступления», относил его к тому или иному разряду «преступников» в соответствии с правилами от 11-го мая 1863 г. Члены комиссии выражали свое согласие или несогласие с таким решением;
- 7) и, наконец, комиссия составляла письменный приговор, в котором еще раз, перечислив все противоправные деяния подсудимого, сославшись на соответствующую статью военно-уголовного Устава или Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, а также правила 11-го мая 1863 г., она определяла меру наказания. Все подписывали документ⁵⁵.

Приговор выносился большинством голосов комиссии. Если кто-нибудь из судей не соглашался с запротоколированным решением, он выражал свое особое мнение в конце дела. В некоторых случаях оно (это мнение) могло сыграть важную роль в дальнейшей судьбе подсудимого. Сам процесс но-

⁵⁵ *Ibidem*, spr. 176, а. 28–40; spr. 2244, а. 30–36.

сил закрытый характер. Согласно той же муравьевской инструкции, присутствие сторонних лиц, прокуроров или адвокатов строго запрещалось. Формальностью являлась норма, касающаяся права обвиняемого дать отвод кому-либо из членов комиссии. Более того, как свидетельствует судебное разбирательство Н. Орды, его попытка заменить аудитора в составе комиссии не только не привела к желаемому результату, но обернулась личной мстостью этого человека во время вынесения окончательного приговора Наполеону⁵⁶.

Нельзя не отметить, что в военно-полевых законах, в соответствии с которыми выносились приговоры, содержался пункт о том, что «если доказательства не достаточны... то не осуждать его к тому наказанию... по тому общему правилу, что лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить одного невинного» (348 ст. II Военно-уголовного устава)⁵⁷. Практика послеповстанческих репрессий свидетельствует об обратном: военно-судебные органы в своей деятельности руководствовались совершенно противоположными принципами и приговаривали к ссылке сотни и тысячи лиц, чья вина была сомнительной не только с точки зрения разумной логики, но и тогдашнего права. По законам военного времени судили тех, кого не должны были по определению: людей за совершение противоправных деяний, которые подлежали гражданской уголовной или административной ответственности, но ни в коем случае не военно-уголовной⁵⁸. Кроме того, на этом этапе была широко распространена практика (как в случае со следственными органами), когда вина обвиняемого не была доказана, его могли наказать административным порядком. Часть дел комиссии рассматривали заочно. Это означает, что решение выносилось в отношении тех лиц, которые на момент судебного заседания не были в наличии и находились в «неизвестной отлучке».

После завершения работы комиссии военно-полевого суда, согласно всем существующим правилам и нормам, дело обязано было направляться на проверку в полевой аудиториат. Однако, опять-таки, «для пользы» подсудимых и сокращения срока их нахождения за решеткой, М. Муравьев с декабря 1863 г. предоставил право местным губернаторам на окончательное утверждение приговоров. Подобная практика просуществовала до августа 1864 г., когда была возвращена прежняя форма окончания судебных разби-

⁵⁶ *Ibidem*, вop. 31, spr. 113, а. 264.

⁵⁷ *Ibidem*, spr. 108, а. 57.

⁵⁸ *Ibidem*, вop. 34, spr. 1408, а. 49.

рательств⁵⁹. Согласно ей, губернатор имел право только на высказывание своего мнения относительно решения принятого судебным органом, а затем дело направлялось в высший ревизионный орган – военный полевой аудиториат, расположенный в Вильне. Последний еще раз проверял все его обстоятельства и соответствие приговора действующим правовым нормам. В заключение он принимал решение о степени вины и способе наказания. И, наконец, решение аудиториата поступало на конфирмацию виленского генерал-губернатора или его помощника. Они собственноручно на первой странице дела ставили свою резолюцию, соглашаясь или не соглашаясь с мнением, представленным им. В последнем случае они обычно определяли более суровое наказание для подсудного (что было довольно распространенной практикой).

Все это время, после вызова в судебную комиссию, в течение нескольких недель или даже месяцев подсудимый находился в неведении относительно своей судьбы и решений, принимаемых различными инстанциями. По воспоминаниям русского военного врача, который служил в Гродно в 1864-1865 годах, не все выдерживали испытание тюрьмой, следствием и судом. Некоторые сходили с ума⁶⁰.

Таким образом, подводя итоги, хотелось бы отметить, что военно-следственные и военно-судебные комиссии были важным элементом репрессивной политики на белорусских землях во время и после восстания. Они исполняли роль своеобразных инструментов, с помощью которых М. Муравьев пытался очистить край от «вредного» элемента. Деятельность данных органов в Гродненской губ. имела ряд территориальных и временных особенностей. Основанные распоряжениями виленского генерал-губернатора, в своей практике они в основном опирались на инструкции и приказы чрезвычайного характера. Также обращает на себя внимание неоправданная жестокость приговоров, вынесенных военными судами в то время. Например, А. Окинчиц был приговорен к 12 годам каторжных работ в рудниках за свое недельное нахождение в повстанческом отряде без оружия, только в качестве врача. Кроме того, военно-судные дела являются ценным источником по истории повстанческого движения на всех территориях, охваченных этим событием.

⁵⁹ *Ibidem*, spr. 1408, a. 19, 32.

⁶⁰ I. Mitropol'skij, *Povstan'è v Grodno v 1863-1864 godah. Iz vospominanij vracha*, „Russkij arhiv” 1895, kn. 1, s. 148, 149.

BIBLIOGRAFIA (BIBLIOGRAPHY)

Źródła archiwalne

Nacyjonałny historyčny archiŭ Bielarusi ũ Hrodnie (NHAB u Hrodnie)

f. 1, vop. 13, spr. 1400

f. 1, vop. 13, spr. 1401

f. 1, vop. 31, spr. 108

f. 1, vop. 31, spr. 113

f. 1, vop. 31, spr. 170

f. 1, vop. 34, spr. 1030

f. 1, vop. 34, spr. 1062

f. 1, vop. 34, spr. 1068

f. 1, vop. 34, spr. 1408

f. 1, vop. 34, spr. 1478

f. 1, vop. 34, spr. 1527

f. 1, vop. 34, spr. 1608

f. 1, vop. 34, spr. 170

f. 1, vop. 34, spr. 176

f. 1, vop. 34, spr. 1979

f. 1, vop. 34, spr. 2167

f. 1, vop. 34, spr. 2244

f. 1, vop. 34, spr. 2425

f. 1, vop. 34, spr. 262

f. 1, vop. 34, spr. 2849

f. 1, vop. 34, spr. 2876

f. 1, vop. 34, spr. 2889

f. 1, vop. 34, spr. 3119

f. 1, vop. 34, spr. 3420

f. 1, vop. 34, spr. 3431

f. 1, vop. 34, spr. 456

f. 1, vop. 34, spr. 509

f. 1, vop. 34, spr. 893

f. 1, vop. 34, spr. 994

f. 1, vop. 6, spr. 2025

f. 1, vop. 6, spr. 407

f. 1713, vop. 1, spr. 7

f. 2, vop. 38, spr. 652^a

f. 3, vop. 1, spr. 21

f. 3, vop. 1, spr. 32

- f. 3, vop. 1, spr. 35
 f. 3, vop. 1, spr. 37
 f. 3, vop. 1, spr. 41
 f. 970, vop. 2, spr. 7
 f. 974, vop. 1, spr. 13
 f. 974, vop. 1, spr. 5.

Opracowania

- Anderson F., *Seven Month' Residence in Russian Poland in 1863*, London and Cambridge 1864.
- Cylov N., *Sbornik rasporejzenij grafa Mihaila Nikolaevicha Murav'eva po usmireniju pol'skogo mjatezha v severo-zapadnyh gubernijah 1863–1864*, Vil'na, 1866.
- Jagmin A., *Vospominanija pol'skogo povstanca 1863 g.*, „Istoricheskij vestnik” 1892, t. 50, № 12.
- Memoires by Doctor Alexander Okinczyc*, vol. 1, <http://pages.interlog.com/~mineykok/Okin1.html#Insurrection> (dostęp: 10.05.2020).
- Mitropol'skij I., *Povstan'e v Grodno v 1863–1864 godah. Iz vospominanij vracha*, „Russkij arhiv” 1895, kn. 1.
- Otchet grafa M.N. Murav'eva po upravleniju Severo-Zapadnym kraem s 1 maja 1863 g. po 17 aprelja 1865 g.*
- Povstancheskoje dvizhenie v Grodnenskoj gubernii 1863–1864 gg.*, Brest 2006.
- Radziuk A., *Pamiż dvuch svietaŭ: historyja samahubstva Aliaksandra Bispinha*, „Homo historicus. Hadavik antrapalahičnaj history”, Vilnia 2019.
- Radziuk A., *Paŭstannie 1863–1864 hh u liosie žycharoŭ piaci vakolic*, „Homo historicus. Hadavik antrapalahičnaj history”, Vilnia 2012.

O autorze:

Aliaksandr Radziuk (Аляксандр Радзюк) Białoruś, Grodno – doktor nauk historycznych, ukończył Grodzieński Uniwersytet im. J. Kupały; autor około 90 publikacji, w tym 4 monografii (3 we współautorstwie).

Zainteresowania badawcze: polityka Imperium Rosyjskiego i jej skutki na terenie Białorusi i Litwy w XIX w. oraz różne aspekty życia codziennego z tego okresu.

e-mail: radzjuk@gmail.com